

**М. Ванхала-Анишевски, Л. Сиилин
(Ювяскюля, Йоэнсуу)**

**«На великое дело, великое слово».
Функционирование слова *великий*
в современном русском языке**

1 Введение

После распада Советского Союза «новая» Россия перестала считаться одним из двух лидирующих государств в мировой политике. Кроме утраты внешнеполитической ведущей роли, экономические и социальные изменения внутри страны были существенными. Наступила свобода слова и возможность путешествовать, но одновременно жизненный уровень большинства населения резко упал. На ухудшение самочувствия народа не могли не влиять и быстрая приватизация государственного имущества, путч в начале 90-х годов, войны в Чечне и т.д. Лишь с наступлением нового тысячелетия Россия стала энергично завоевывать свои былые позиции как в экономике, так и в политике. Сегодня она снова стремится стать одной из ведущих мировых держав. Конкретно это проявляется в том, что в речах президента В. Путина и других крупных политиков нередко повторяется именно слово «держава», которое чаще всего сопровождается определением «великая». На активную роль России в международной политической жизни недавно обращал внимание и министр обороны США Р. Гейтс, отметивший, что Россия «пытается вернуть статус великой державы» (АиФ, 14.2.07).

В данном исследовании мы хотели бы выяснить, в сочетании с какими существительными, кроме существительного *держава*, употребляется прилагательное «великий», и вместе с тем получить представление о том, что для россиян является великим в современной России. Отражается ли улучшающееся самочувствие народа в использовании данного прилагательного, и какие явления и факты внеязыковой действительности оно характеризует? Реформирование общества и российской экономики привело также к языковой перестройке, в условиях которой говорящий начинает эксплицитно оценивать происходящие изменения (см., например, Валгина 2003: 3-6). Иначе говоря, эта переоценка проявляется на дискурсивном уровне, и изменения в ней, как нам представляется, наглядно и многообразно актуализируются в средствах массовой информации, представляющих собой наиболее динамично развивающуюся часть ре-

чевой практики современного общества (Коньков и др. 2004: 416). Так как роль СМИ — как в информативном, так и манипулятивном плане — огромна в любом развитом обществе, небезразлично, как события действительности в них репрезентируются, и какие характеризующие, особенно оценочные, маркеры к ним прилагаются. В данном исследовании речь конкретно пойдет об анализе того, какие понятия и явления определяет прилагательное *великий*, какие значения передаются с его помощью, и какие функции оно способно выполнять в современном русском языке.

2 Метод и материал исследования

В основе нашего исследования лежит функциональная теория, в особенности системно-функциональная грамматика Хэллидея (Halliday 1978, 1985; Halliday & Matthiessen 2004), исходящая из социальной значимости языка, т.е. из неразрывной связи языкового анализа с анализом социального и культурно-исторического контекста данного социума. В последние десятилетия подобный подход к языковым явлениям получил широкое распространение в лингвистике: вместо замкнутого изучения языковой системы преобладающим стал интерес к многочисленным связям и функциям языка и общества, языка и культуры, политики, идеологии, религии (см., например, Солганик 2007: 13). В центре внимания находится именно то, как отдельные языковые выражения используются для выражения какого-либо индивидуального значения, и, в более широком плане, для создания картины мира не только индивидуума, но и целого социума (Blommaert 2005: 28-31; Fairclough 1992: 73-78; Heikkinen 2007: 12). Таким образом, будет интересно выяснить, как исследуемое нами прилагательное, основное значение которого связано с концептом «величие», используется для конструирования картины мира современных россиян.

Для конкретного анализа семантики и функционирования слова *великий* нами применяется критический дискурс-анализ (Fairclough 1992, 1997; Wodak 1996; см. также Heikkinen 1999, 2005; Kalliokoski 1996), в основе которого тоже лежит идея о прочной связи языка с окружающим обществом. Этот подход рассматривает языковые выражения на трех уровнях: текстовом, дискурсивном и социальном. В анализе слова *великий* учитываются первый и третий уровни. Это значит, что внимание будет обращать, во-первых, на то, в каких атрибутивных словосочетаниях *великий* чаще всего выступает, и какие смысловые оттенки при этом реализуются в современном русском языке и, во-вторых, какую информацию такое употребление способно передать о российском обществе, его социокультурной практике.

Языковой материал собран из электронной базы данных «Интегрум» (www.integrum.ru) путем сплошной выборки. Источниками служили

центральные газеты «Известия» (далее И)¹, «Новая газета» (НГ)², «Российская газета» (РосГ)³ и «Аргументы и факты» (АиФ)⁴, а также журнал «Огонек» (О)⁵, из которых примеры взяты в течение двух лет: 1.7.1996–30.6.1997 и 1.7.2006–30.6.2007 (см. Таблицу). Цель сбора материала в два интервала заключается в выяснении того, можно ли наблюдать изменения в функционировании слова *великий*. Конкретные поиски были проведены, используя запрос «великий». Данный запрос включает в себе прилагательное *великий* как в атрибутивной, так и предикативной функции, хотя в нашем исследовании внимание будет обращать лишь на его атрибутивную функцию.

Таблица: Число документов, включающих прилагательное *великий* в СМИ

Источники	1.7.1996–30.6.1997	1.7.2006–30.6.2007
Аргументы и факты	225	374
Известия	693	935
Новая газета	309	549
Российская газета	1 445 ^б	3 025
Огонек	338	319
Всего	3 010	5 202

Таблица показывает, во-первых, что большинство исследовательского материала — из РосГ и, во-вторых, что количество документов (всего 8 212) в течение десяти лет возросло на 26,7 процентов. Однако на этой основе нельзя делать вывод о том, что использование слова *великий* стало более частотным, поскольку неизвестно, изменился ли объем анализируемых источников за это время.

3 Общая характеристика прилагательного «великий»

На категориальном уровне прилагательное *великий*, как качественные прилагательные вообще, обозначает признак, качество и свойство, присущее самому предмету или открываемое в нем, часто — такое, которое может характеризоваться разной степенью интенсивности. На собственно лексическом уровне прилагательное *великий* весьма богато значениями (см. о значениях слова *великий*, в частности, ССРЛЯ 1991 и ТСРЯ 2003; о многозначности слова, например, Зализняк 2006: 20). Его основное значение, характеризующее качество определяемого предмета, и сфера употребления связаны с семантическим концептом «размер», «величие». *Великими*, т.е. очень большими, огромными могут быть как конкретные предметы, вещи (*великая гора*), так и абстрактные понятия (*великое чувство*) (БТСРЯ 1998). В первом случае значение непосредственно соотносится с предметами объективной действительности, и в разных грам-

матиках оно называется либо прямым, главным, основным, объективным, либо фактуальным (см., например, РГ 1980; ISK 2004: 598).

Помимо объективного, прилагательное *великий*, однако, нередко выражает и субъективное значение, передавая оценку о явлениях, имеющих необыкновенно большое значение для кого-то, например, *великий день* (см., например, ТСРЯ 2003). В лингвистике прилагательные, в которых отражается отношение говорящего к объекту речи, принято называть оценочными (ТФГ 1996: 20). Они разделяются на качественно-оценочные и собственно оценочные (ср. объективная и субъективная оценка у Е.М. Вольф (2006: 22-28); общеоценочная и частнооценочная у Н.Д. Арутюновой (1988: 75-77)). Под первыми имеется в виду взаимодействие субъективных наблюдений со свойствами, качествами и признаками, присущими явлениям в объективной действительности (*великий поэт*). Вторые, в свою очередь, подразумевают лишь субъективные наблюдения над определяемым предметом, фактом и т.п. (*великий язык*) (ТФГ 1996: 19-25). Как будет показано ниже, в газетно-публицистическом дискурсе для прилагательного *великий* более характерны качественно-оценочная и собственно оценочная функции, чем основная функция выражения признака. Следовательно, в анализе функционирования прилагательного *великий* мы нередко будем прибегать к понятию «эпитет», которое дает наглядное представление о субъективном и экспрессивно-эмоциональном значении, приобретенном этим прилагательным в современном русском языке (об определении эпитета см. Русский язык 1998: 640).

4 Результаты анализа

В данном исследовании более подробно рассматриваются сочетания слова *великий* с существительными *держава* (*страна, государство* и т.д.), *язык* и *культура* (ее деятели и произведения). Однако не анализируются сочетания, в которых прилагательное входит в состав имен собственных (*Петр Великий*), топонимов (*Великий Новгород*), титулов (*великий князь*) и названий исторических событий (*Великая Отечественная Война*)⁷. Вне анализа остаются также такие устойчивые сочетания как *великое множество, к великому сожалению, от мала до велика, великие мира сего*, относящиеся к религиозной терминологии как *Великий пост*, а также словосочетания с прилагательным *великий*, называющие сильные чувства (*великое счастье, великое горе*).

4.1 Россия как великое государство

В исследуемых нами медиатекстах слово *великий* встречается в функции определения чаще всего со словами *держава, страна* и *Россия*. Слово *государство* означает «политическую форму организации общества во

главе с правительством», *держава* — «независимое государство, ведущее самостоятельную политику» (БТСРЯ 1998). Россия, в частности, определяется как *великое и могущественное федеративное государство* (НГ, 2.6.97). Слова *страна* и *государство* могут отчасти быть взаимозаменяемы, но *страна* характеризует государство также с территориальной точки зрения (БТСРЯ 1998). Под словосочетанием *великая держава* имеется в виду страна, «относящаяся к числу наиболее крупных и экономически мощных государств, обладающих большим военным потенциалом и играющим ведущую роль в мировой политике» (ТССРЯ 2001).

Величие России связывается, прежде всего, с огромной территорией. В сочетании *великая страна* слово *великий* указывает на объективный факт действительности и имеет качественное значение, обозначая «что-либо очень большое» (ТСРЯ 2003: 99): *Мы — страна великая, потому что большая* (НГ, 21.4.97), *раскинувшаяся в Европе и Азии* (РосГ, 15.2.97). Эта огромная территория имеет много потенциала, с которым связаны великие шансы и перспективы в будущем. Поэтому россияне могут сделать свою родину *еще более великой державой* (РосГ, 14.2.97). В этом значении при прилагательном *великий* используется также наречия интенсификации такие, как *истинно* (И, 14.11.96) или *действительно великая страна* (РосГ, 21.11.96).

Очевидно, что истолкование значения прилагательного *великий* зависит от названных выше ключевых слов державной риторики. Сочетание слова *великий* с существительными *держава*, *страна*, *Россия* и *государство* часто содержит в себе собственно субъективную оценку, так как россияне относятся эмоционально, преимущественно с уважением и любовью к своей *Родине* (ср. *Отечество*).

Дискуссии о судьбе державы и российской государственности активно ведутся в российских СМИ (см. также Hellberg-Hirn 1998: 239). Судя по газетным материалам, тема настолько актуальна, что президент В. Путин стал напоминать, что *на повестке дня не всеобщий отдых под разговоры о великой стране, а активная работа по модернизации страны* (РосГ, 21.11.06). От самих россиян зависит, *получит ли великая история России великое продолжение* (там же).

Тема величия часто обсуждается также в РосГ, в официальном публикаторе государственных документов. В ней, в частности, организовали в 1997 году конкурс на тему «Идея для России». Предложения читателей были опубликованы, в частности, под рубрикой «*Будет согласие — будет великой Россия*» (РосГ, 14.11.96). Участвовавшие в конкурсе искали национальную идею то в экономике, утверждая что *[э]ффективная экономика — великая Россия!* (РосГ, 24.10.96), то в полноценном федерализме *на основе цивилизованного развития всех регионов и субъектов*,

образующих великую страну (РосГ, 16.1.97). С одной стороны, подчеркивали взаимосвязь величия с народом, считая, что *суть национальной идеи есть величие России*, однако *великой России нет без ее народа* (РосГ, 20.2.97). С другой стороны, предупреждали об опасностях державной политики, напоминая, что *[н]ичего хорошего не сулит ситуация, если все станут объявлять себя «великими»* (РосГ, 31.10.96). Итог дискуссии можно подвести словами политолога А. Кива, написавшего, что только от самих россиян зависит, как к ним будут относиться — *как к великой стране, как к стране средних масштабов и средних возможностей или как к стране недоразвитой и слабой* (РосГ, 24.10.96).

Естественно, что в НГ, относящейся к оппозиционной прессе, критикуют державную политику и нередко в ироническом тоне рассказывают о различных проявлениях величия и нарастающем национализме. Ведь принято считать, что великая страна должна *проводить внешнюю политику великого государства* (РосГ, 17.12.96). Однако сомнительным оказывается принцип этой политики, а именно, применение *внешнего и внутреннего измерения* политики: НГ считает, что страна, *претендующая на роль великой державы, наверное, в подобных хитростях не нуждается* (НГ, 17.5.07). Наоборот, *[н]астоящее величие заключается <...> в умении спокойно и открыто признать допущенные ошибки и разъяснить их собственным избирателям* (там же). По мнению автора статьи «В бедной стране жить можно. Нельзя в бессовестной», Россия больше не великая страна, но *считает необходимым во что бы то ни стало ею казаться*. Это стремление автор статьи называет сохранением *великодержавной осанки* (НГ, 31.3.97).

Вообще представляется, что величие приписано России с начала исторического пути этого государства. Была великая Русь, затем великая Российская империя и великий Советский Союз. Это подтверждается и словами президента Б. Ельцина, отметившего, что Россия *обречена быть великой державой* (РосГ, 18.10.96). Судя по исследуемым нами текстам, чувство величия передается от поколения в поколение, так как россияне способны *ощущать себя неотрывной частью своей Родины — великой многонациональной страны* (РосГ, 8.10.96). Это ощущение бывает разным, например, при Л. Брежнев *жители великой страны Советский Союз ощущали себе [sic!] людьми отдельными, ни на кого не похожими* (И, 19.12.06). В настоящее время же люди все больше начинают *чувствовать себя гражданами великой державы, осознавать свои ценности в современном мире и готовность защищать их от любых внешних посягательств* (И, 14.7.06). Русские известны во всем мире своим долготерпением, из-за которого народ *поистине велик* (И, 7.4.97).

С другой стороны, русские высоко оцениваются как *великий народ, обладающий огромной гордостью* за свою страну (И, 2.10.96).

В исследуемых нами текстах концепт «величия» представлен в контекстах прошлого, настоящего и будущего. Следует заметить, что в политическом дискурсе середины 90-х годов величие является фактом не современности, а будущего или прошлого. Россиянам было нелегко смириться с распадом СССР, и *они перестали быть великой державой* (И, 8.4.97). В связи с этим цитировали фразу П. Столыпина столетней давности о депутатах Думы *«Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»* (И, 12.12.06; 14.5.07). Противоречивость мнений 90-х годов наглядно показывают результаты опроса:

- (1) *68 процентов жителей РФ, опрошенных фондом «Общественное мнение», уверены, что современную Россию нельзя назвать великой державой <...> Что касается Советского Союза, то по поводу него почти нет разногласий: 82 процента убеждены, что до распада СССР был великой державой <...> Что касается статуса России в ближайшие годы, то 48 процентов россиян не думают, что стране удастся стать за это время великой державой, 44 — еще не потеряли надежды* (РосГ, 7.2.97).

Однако утрата величия рассматривается как переходный период. Величие остается мечтой о великом будущем: *я надеюсь, что буду жить в то время, когда Россия станет великой страной*, говорит 39-летний россиянин (РосГ, 28.12.96). В будущем Россию *объединит идея державности. Даже великодержавности* (РосГ, 18.10.96). Державная риторика прослеживается также в ответах выпускников московской гимназии. По их мнению, в XXI веке Россия будет *самой великой мировой державой или величайшей державой* (НГ, 9.6.97).

В начале XXI века дискуссия о величии России носит уже другой характер. Господствует уверенность в том, что *[н]ациональная идея <...> возможна только одна — великая Россия* (РосГ, 2.11.06). Сам президент прилагал *все силы для восстановления былого могущества России*, поэтому *[н]а мировой арене появилась новая неприсоединившаяся великая держава* (РосГ, 17.7.06). Россия сознательно занимается строительством великой державы, как отметил председатель Госдумы Б. Грызлов по поводу Послания Федеральному Собранию — это *стратегия строительства России в качестве великой державы* (РосГ, 27.4.07). Новый статус России признан и за рубежом, в частности, генеральным секретарем НАТО де Хооп Схеффером, признавшим, что *Россия, конечно, великая держава*, присутствие которой *в разрешении различных конфликтов незаменимо* (РосГ, 27.10.06).

Итак, в медиатекстах минувшего десятилетия, с одной стороны, вспоминают события 90-х годов, отмечая, что условия реальной жизни не всегда соответствовали риторике величия: *Раньше, когда мы жили плохо, бедно, ютились по коммуналкам, нам говорили: но мы великая страна* (РосГ, 1.11.06). Происходившие изменения оценивают с точки зрения нынешней ситуации. По мнению НГ (17.8.06), развал державы принес с собой новое агрессивное державничество. Таким образом, проявляющиеся ныне *ксенофобия, антисемитизм и чувства национального унижения* объясняются «ностальгией» по *великодержавному прошлому и горечь[ю] разрушенной иллюзии* (там же). Этим объясняются мнения россиян в опросе Левада-Центра, согласно которым без перестройки *[ж]изнь в стране стала бы лучше (28%), [России — примечание наше] удалось бы избежать тяжелых потрясений и сохранить великую страну (30%)* (О, 6.11.07).

Многие события 90-х годов воспринимаются россиянами как унижение. Высказывались, например, такие мнения, что *представителям иностранного капитала [было — дополнение наше] удобно иметь дело не с сильной и великой Россией, а с Россией нищей, Россией-просительницей* (РосГ, 17.12.96). Неприличной историей называют то, что *великая страна выпрашивала денег на пропитание* (И, 19.7.06). В следующей цитате оцениваются материальные и духовные ценности с точки зрения предпосылок для величия:

- (2) *Международные унижения России последних лет говорят о том, что ни огромная территория — она все еще огромна, ни внушительная экономика — как же она сильна, если выдержала все, что делали с ней в последние годы, ни ядерное оружие само по себе не работают как политический фактор. Почему? Да потому что материя без духа не творит. Только национальная идея, одухотворенная свыше, наполняет целями и ценностями огромное географическое пространство* (РосГ, 9.1.97).

Сегодня все большая часть россиян уверена, что *Россия в полной мере вернула себе статус великой державы* (И, 14.7.06) или *уверенно возвращает себе статус великой державы* (И, 25.12.06). Поэтому Россия имеет право требовать, чтобы мировое сообщество уважало ее и не унижало ее достоинства. Великодержавный статус требует от других стран особого обращения с Россией: *мир окружающий все более считается с нами как с великой державой* (РосГ, 31.10.96).

Великая страна похожа на человека и ведет себя как мудрый человек: *[э]то же великая Россия. Она должна быть мудрее* (И, 14.2.07). Следовательно, она говорит голосом великой страны: *Наш ответ <...> дол-*

жен быть ответ сильного, великого государства (АиФ, 9.5.07). Из-за своего статуса Россию надо уважать, иначе она может *при необходимости заставлять себя уважать* (И, 5.10.06), как это было с Чечней: *Великая страна решила наказать маленькую Чечню* (И, 10.12.96).

Оказывается, что у великой страны — *подростковая обидчивость*, под которой имеется в виду *странные, порой необъяснимые болезненные реакции на внешний мир во всех его проявлениях* (РосГ, 17.5.07). Во-первых, Россию *нельзя оскорблять пренебрежением к ее святыням* (НГ, 22.1.07), как это произошло в истории с мемориалом советским воинам в Таллинне, или сказать *великой России: «Раши, гуд бай!»*, как посмела сделать украинская певица (И, 18.5.07). Во-вторых, неуважительное обращение с российскими гражданами, например, *[у]часть брошенных русских в Чечне <...> унижительна <...> и для всей нашей русской нации, которую принято называть великой, это, конечно, позор* (И, 26.11.96). Наконец, великая страна имеет право жить по своим правилам, что иногда не нравится мировому сообществу:

- (3) *без конца ведутся дискуссии о том, что Россия нарушает какие-то «правила». Да, мы нарушили — по своей инициативе — «правила» развития великой державы «по Марксу и Энгельсу». Нарушили их вновь и тогда, когда в ничтожные по историческим меркам сроки решили создать новое законодательство, новую экономику и строить — в это же время — новую страну* (О, 1.1.07).

В сочетании с существительными *державы (страна, государство, народ* и т.д.) слово *великий* превращается в эмоциональное прилагательное субъективной оценки, обозначая «лучшую в мире страну». Россия значима для россиян, это родная страна, поэтому перед *великим* нередко стоит притяжательное местоимение *наш*. Русскому человеку присущи *любовь к России, вера в ее возрождение и надежда на наш великий народ* (РосГ, 14.9.96), и он оценивает *неповторимость духовного облика нашей великой Родины — России* (РосГ, 9.8.96).

Следует заметить, что в зависимости от оценочности всего контекста эмоциональное значение слова *великий* может быть истолковано и иронически, как мы выше уже отметили, и о чем свидетельствуют и следующие примеры: президент Грузии *вдруг вспомнил, что Россия — великое государство* (РосГ, 2.11.06); золотая русская молодежь аргументирует свое поведение: *[в]едь мы же великая держава, и нам многое позволено* (НГ, 21.6.07). Сарказм, в свою очередь, можно видеть в утверждении, что *[в]еликой державе обязательно нужны враги. В противном случае окружающий мир может усомниться в ее величии* (И, 27.11.96).

В исследуемом материале Россия характеризуется как *великая северная, континентальная, не только сухопутная, но и могучая морская держава*. К тому же, Россия — *авиационная, космическая, ядерная военная, энергетическая, научно-техническая, нефтегазовая, газовая и лесная держава*. Она носит также статус *великой литературной, кинематографической и театральной державы*. В будущем Россия вернет себе *звание великой футбольной державы, а также прежнее могущество великой православной державы*. Любопытно, что в наших медиатекстах Финляндия и Ирландия, а не Россия — *великие инновационные державы* (РосГ, 29.5.07).

4.2 Великий русский язык

Концепт «русский язык», согласно Н.Г. Брагиной (2007: 348), представляет собой развернутую метафору государства. Он выразитель национального духа и символический представитель нации, народа. Следовательно, если государство великое, то и язык великий. Это подтверждается и нашим исследовательским материалом, в котором русский язык нередко характеризуется с помощью эпитета «великий». Здесь он чаще всего обладает собственно оценочным значением, имплицитно, что язык имеет необыкновенно большое значение для говорящего (ТСРЯ 2003: 100), например, *орфографические словари великого русского языка* (РосГ, 29.5.07). Следует помнить, что относительно русского языка этот эпитет стал использоваться уже давно. Всем русским известны слова И. Тургенева (1882) о «великом и могучем, правдивом и свободном» русском языке, который дан «великому народу». Проанализированные нами тексты наглядно демонстрируют, что и в настоящее время русский язык характеризуется именно как *великий и могучий*. Он является мировым языком, родным *примерно для 170 миллионов жителей планеты, а еще 350 миллионов в той или иной степени владеют им и могут общаться на «великом и могучем»* (РосГ, 25.1.07). Величие родного языка, само собой разумеется, не вызывает сомнения у русских людей, так как они учат с детства *разные цитаты о том, что он великий и могучий, соединяющий достоинства других мировых языков* (НГ, 2.9.96).

Несмотря на то, что распад Советского Союза вызвал тревогу о статусе русского языка в бывших союзных республиках, в текстах десятилетней давности россияне были уверены в том, что *«великий и могучий русский язык» остается соединительной тканью на той одной шестой части суши, которая еще недавно была единым государством* (РосГ, 7.9.96). Сегодня же уже общеизвестно, что не во всех странах ближнего зарубежья положение русского языка сохранилось неизменным, но, тем не менее, «[в]еликий и могучий» по-прежнему чтят на постсоветском про-

странстве (РосГ, 4.9.06). В сфере обслуживания бывших союзников он продолжает играть важную роль, так как все возрастающее количество русских туристов приносит большую прибыль предпринимателям, и пренебрегать их языком нельзя. Об этом конкретно свидетельствует пример из Таллинна, в котором жители города могут на улице не понимать по-русски, но *в сувенирном магазине <...> будут приветливо обслуживать на «великом и могучем» с невероятным энтузиазмом* (АиФ, 14.2.07).

Статус русского языка изменился и в других странах, например, во Франции число учеников, изучающих русский язык, сильно сократилось уже десять лет назад, и есть опасения, что *[б]ез соответствующего государственного решения «великий могучий» обречен здесь на постоянное исчезновение* (И, 1.2.96). Сегодня в нашем глобализирующемся мире положение русского языка за рубежом и мотивирование к его изучению становится все труднее. Для этого нужны новые методы и подходы, так как, *[ч]тобы заставить ребят <...> учить «великий и могучий», аргументации типа «на русском творили Пушкин и Достоевский» теперь, к сожалению, маловато* (РосГ, 14.9.06).

Многие исследователи (см. Покровская 2006; Лысакова 2005; Сметанина 2002) встревожены наплывом заимствованных слов, особенно англицизмов, в русский язык, но этому вопросу в данных медиатекстах не уделяется особого внимания. Поэтому неожиданным является упоминание о том, что *русский язык постоянно подвергается наскокам со стороны тюркских и финно-угорских языков, представители которых язвительно отмечают массовые заимствования нашим великим и могучим — деньги, кафтан и аршин, Рязань и Нева* (И, 13.2.07). По рекомендации автора процитированной статьи, самый лучший способ предвосхитить заимствования — это восстановить русскую науку и создать новые понятия.

Помимо иноязычных слов, современные лингвисты также озабочены частотностью употребления разговорной лексики, точнее, появлением жаргонных, ненормативных, выражений даже в официальной и публичной речи (см., например, Коньков и др. 2004). Эта забота отражается и в следующем отрывке:

- (4) *Не секрет, что в недрах нашего великого и могучего русского языка есть совершенно особый пласт речи. Это мат — язык, которого нет, но на котором все говорят. Что это за явление? Почему матерные слова в одних случаях воспринимаются как необходимая острая «приправа» — к примеру, в анекдотах и частушках?* (АиФ, 15.8.96).

На небрежное употребление русского языка особенно в СМИ обращают внимание не только видные деятели культуры, но и многие читатели, один

из которых предлагает исправить ситуацию старым методом: *Может быть, даже организовать своеобразный ликбез для тех, кто искажает русский язык, и допускать их к эфиру только после того, как они усвоят все правила и нормы «великого и могучего»* (РосГ, 21.2.97). В защите великого русского языка активной, конечно, должна быть школа, работе которой помогает классическая художественная литература, но: *[м]ы изучаем в школе суррогаты, а отнюдь не великую русскую классику* (РосГ, 24.1.07).

В 2007-ом году государство стало принимать особые меры к «спасению» русского языка: *За «великий и могучий» собираются взяться всерьез* (РосГ, 11.1.07). Группой депутатов и лингвистов, обсуждавших положение русского языка, была выражена озабоченность тем, что *сам русский — уже не тот единый «великий и могучий»: пространство литературного языка, того, о котором писал Тургенев, распадается на глазах* (РосГ, 23.3.07). «Российская газета», которая больше других анализируемых нами газет останавливается на вопросе о статусе современного русского языка, довольна тем, что *[с]амые «больные места» «великого и могучего» прописаны в принятом не так давно Законе «О русском языке как государственном языке Российской Федерации»* (там же). В целях укрепления положения русского языка 2007-ой год был в России объявлен Годом русского языка. Как отмечается в одном тексте (И, 30.5.07), есть много причин, почему власти заволновались *за наш «великий и могучий»*. Одной из причин является то, что *русский сознательно вытесняют «на кухню»* (там же). В первую очередь это касается стран СНГ, но и в России необходимо расширить и обновить программу русского языка в школах и создать новые кабинеты русского языка для общеобразовательных школ.

4.3 Великая русская культура и ее великие деятели

Слова Евгения Евтушенко *Россия всегда гордилась своей культурой* (АиФ, 29.10.96.) четко передают то, что культура играла и играет важную роль в российском обществе. Несмотря на то, что понятие «культура» определяется учеными широко и многосторонне (см., например, Лотман 2002: 56-57; ТСРЯ 2003), под культурой в данных медиатекстах подразумевается в основном лишь духовная культура, и особенно высокая, элитарная культура, т.е. изящное искусство, классическая музыка, кино, театр и живопись (см. также Hellberg-Hirn 1998: 217-223). Именно эти жанры, их деятели и произведения чаще всего приобретают эпитет *высокий*, в то время как, например, популярная и народная культура, а также материальная культура почти не характеризуются таким образом.

В сочетании с существительным *культура*, прилагательное *великий* не имеет качественного, а лишь качественно-оценочного либо собственно

оценочное значение. Первое значение реализуется, например, в описании того, что какой-либо писатель и / или его творчество считается гениальным, великим не только в России, но и в мировом масштабе. А второе, собственно оценочное значение актуализируется в восхищении, уважении определенным индивидуумом (например, автором статьи) отдельного явления культуры (см. ТСРЯ 2003).

Как мы выше выяснили, в современном медиадискурсе концепт «великая держава» содержит понимание значимости русского языка. С языком, и особенно с державой неразрывно связана и культура, что утверждается в статье РосГ (16.10.06): *[к]ак важно, когда свое величие Россия доказывает своей великой культурой*. Далее, в той же газете (26.10.06) культура сочетается не только с государственностью и вековой историей России, но и с православной религией:

- (5) *И наконец для тех, кто считает себя государственниками, российскими патриотами, главное в российской истории и в российской государственности связано, напротив, с тем, что было до Октября, с веками создания Российской империи, и с веками создания великой русской культуры, и с веками становления и расцвета русской православной цивилизации* (РосГ, 26.10.06).

Знание гражданами великой русской культуры в условиях все возрастающей глобализации требует, однако, особой заботы со стороны государства, и поэтому *мы должны проявлять большее внимание к великой российской культуре во всех ее проявлениях* (И, 26.10.06) и заботиться о том, чтобы молодежь воспитывалась *на великих традициях отечественной истории и культуры* (РосГ, 31.7.96). Задача нелегкая, так как культура, к сожалению, сегодня поддается разрушению, но не от Запада, а *от того же ТВ, для которого давно уже не Пушкин, а Безруков — «наше все»* (И, 16.2.07).

Следует подчеркнуть, что в текстах СМИ именно художественная литература (проза, поэзия) чаще всего определяется эпитетом *великий*. Несмотря на то, что в жизни большинства россиян она сохранила свое важное место, есть опасения и даже исследования, что ее знание среди современного молодого поколения ослабевает (см., например, Коньков и др. 2004: 76). Это имплицитно и в реплике известного литературного критика И. Золотусского:

- (6) *Когда вы и я [журналист и Золотусский — примечание наше] учились в школе, литература была главным предметом, а главное в ней был XIX век. Мы говорили и спорили о героях классической русской литературы как о живых людях. И до сих пор*

мы оглядываемся туда. Я не знаю, хорошо это или плохо, но это особенность нашего исторического сознания и, видимо, нашего исторического пути (РосГ, 26.3.07).

И. Золотусский прав: великими писателями, согласно нашему материалу, все еще являются классики, а именно Л. Толстой (*великий писатель земли русской*) и Ф. Достоевский (см. также Hellberg-Hirn 1998: 224). Тем не менее, говоря об этих великих писателях, авторы статей не обсуждают и не цитируют их творчество, а сообщают о каких-нибудь деталях, интересующих сегодняшнего читателя, например, о судьбе родственников (Пушкина и Толстого), о строительстве дома-музея, об открытии выставки (например, выставка «Мир Достоевского») и т.д. Исключение делается для Ф. Достоевского: *Один из самых сложных романов Ф.М. Достоевского* [«Братья Карамазовы» — примечание наше] *и по сей день вызывает споры: кого имел в виду великий русский писатель, создавая своих героев?* (РосГ, 1.11.96). Отсутствие собственно литературных комментариев и анализа произведений может объясняться тем, что анализируемые газеты и журнал представляют общеинформационные, а не специальные литературно-художественные издания.

Сегодня, как и десять лет назад, место *великих поэтов* в СМИ занимают А. Пушкин и М. Лермонтов, упоминающиеся в связи с их днем рождения или другими юбилейными событиями (говорится, например, о создании «Лермонтовского наследия» и т.п.). Большое значение поэтов для России становится ясным: *в первой половине XX века в России была дюжина великих поэтов: Есенин, Маяковский, Пастернак, Мандельштам, Заболоцкий, Цветаева... Во второй половине XX века с ними по масштабу сопоставим только Бродский* (О, 11.9.06). Молодому читателю полезно напомнить, что именно Н. Некрасов был тем, кто *поставил вопрос, волнующий нас и сегодня: «Кому на Руси жить хорошо?»* (РосГ, 7.12.96). Упоминаются и А. Ахматова (*великая поэтесса*), С. Есенин (*великий русский гуманист и провидец*) и некоторые другие.

Обращает на себя внимание тот факт, что советские писатели (за исключением И. Бунина, М. Булгакова и М. Горького) почти отсутствуют в данных текстах, хотя [в] СССР были великие писатели, но каждый из них — в отдельности — был, как правило, недолго и несчастливо (И, 25.4.07). Не характеризуются также современные писатели как великие, что может объясняться отсутствием долгосрочной перспективы (ср. определение великих лидеров у Р. Легвольда, РосГ, 1.3.97). Лишь о романе В. Пелевина «Generation “П”» сказано, что он написан *в великих традициях русской литературы* (И, 17.4.07).

Величие музыки — именно классической — как жанра культуры актуализируется тоже в рассмотрении самых известных и крупных деяте-

лей искусства и музыкальных событий. Одним из самых выдающихся музыкальных талантов последних лет является М. Ростропович, день рождения которого широко отмечался в печати как десять лет назад (ему исполнилось 70 лет в 1997 г.), так и в 2007 году. В том же году он к тому же стал объектом особого внимания в связи со своей смертью. Его называют *великим музыкантом и гражданином, великим артистом, великим сыном России, великим человеком, великим Маэстро, великим реформатором виолончели*. Пожалуй, ни одному другому человеку — ни государственному деятелю, ни спортсмену или артисту — ни приписывают такого набора *великих* характеристик. Парадоксально, что в советское время невозможно было говорить о М. Ростроповиче как о *великом гражданине* или о *великом сыне* родины. Что касается его жены Г. Вишневецкой, тоже любимой как россиянами, так и прессой артистки, она, однако, уступает своему супругу, хотя и оценивается высоко: *великая примадонна, великая певица*. Вместе эти великие артисты образуют *великую пару*.

Помимо М. Ростроповича, много места отводится Д. Шостаковичу, тоже *великому сыну России*, так как в 2006 году исполнилось сто лет со дня его рождения. *Великими композиторами* являются также П. Чайковский, С. Прокофьев, И. Стравинский, а В. Гергиев — *великий мэтр*.

Представители популярной и эстрадной музыки редко заслуживают эпитет *великий*. Лишь Алла Пугачева считается *великой и несравненной*, Эдита Пьеха — *великой певицей*, и Владимир Высоцкий — *великим бардом*. В театральном искусстве великие актеры — это чаще всего умершие, как Ф. Раневская, И. Москвин, Т. Лаврова и среди режиссеров — Г. Товстоногов.

В кино и живописи эпитет *великий* приобретает редкий деятель. Это, в частности, режиссер А. Тарковский и актер М. Ульянов. Намного чаще, чем современные русские киноактеры, *великими* характеризуются современные зарубежные, в основном, американские кинозвезды. Это, пожалуй, объясняется большой популярностью западного кино в постсоветской России. Тенденция видна и в живописи, в которой как *великие* упоминаются Рембрандт, Шагал и Пабло Пикассо, имеющие громадное культурно-историческое значение для всего мира.

Итак, в использовании эпитета *великий* в области культуры явно прослеживаются национальная оценка и предпочтения россиян таким образом, что *великий* приписывается в основном деятелям художественной литературы, в том числе поэзии, классической музыки и кино, в меньшей степени театра и популярной музыки, а в области живописи великими россиян вообще не называют. В данной функции, особенно, когда речь идет об отдельных деятелях культуры и их произведениях, слово *великий*

приобретает качественно-оценочное значение, указывая, помимо высокого качества определяемого объекта, и на его общепризнанные и общеизвестные достоинства.

5 Заключение

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что слово *великий* претерпело несущественные изменения за прошедшие десять лет. В современном медиадискурсе наблюдается бóльшая уверенность в том, что Россия снова стала *великой державой*, и в связи с этим активизировалось использование данного словосочетания.

Тем не менее, слово *великий*, согласно основной своей функции, продолжает характеризовать предметы, события и явления с самых различных точек зрения. Его качественное значение, однако, довольно редко реализуется в проанализированных текстах, а, вместо этого, оно используется в качественно-оценочной либо собственно оценочной функции. В первой функции оно употребляется, когда определяемое слово имеет общепризнанное величие. Это значение прослеживается исторически в слове *держава*, так как уже Советский Союз считался одной из двух лидирующих держав. Однако величие державы оказывается переменной составляющей и по отношению к России: как известно, после распада СССР страна перестала быть великой державой. Но сегодня, как показывают медиатексты, она снова определяется как *великая держава*.

Слово *великий* употребляется в качественно-оценочном значении и в тех случаях, когда говорится о деятелях культуры, например, о А. Пушкине, Л. Толстом, Ф. Достоевском и т.д. и об их произведениях. Их величие признано как в России, так и за ее пределами. Эта оценка, однако, связана с общественно-политической ситуацией страны: названные выше писатели считались великими и в советское время, а в частности, И. Бродский и М. Ростропович стали великими только в постсоветское время.

Наряду с качественно-оценочным значением слово *великий* активно употребляется в собственно оценочной функции. В первую очередь, это касается сочетания *великий и могучий русский язык*, тесно связанного с национальной идеей, концептом «государственность», а также «культура». В сочетании со словами *держава (Россия, страна, государство, народ, нация)* прилагательное *великий* имеет — помимо объективного, качественного значения — во многих случаях собственно оценочное значение. Эта оценка является частью ощущений личности и, как правило, употребляется самими россиянами.

Подводя итоги, можно сказать, что концепты «великая русская держава, культура и язык» образуют единство, играющее в настоящее время важную роль при построении национального менталитета, улучшения

самочувствия россиян. К тому же эти концепты являются элементарной частью сегодняшнего политического дискурса, используемого в конструировании державной идентичности.

Примечания

¹ Ежедневная общенациональная газета «Известия» публикуется с марта 1917 года тиражом 234,5 тыс. экз.

² «Новая газета» — относительно новая ежедневная общественно-политическая газета. Газета издается только с 1.1.1997, т.е. материал за 1996 года отсутствует. Она выходит три раза в неделю тиражом 616 тыс. экз.

³ Ежедневная общественно-политическая «Российская газета» имеет статус официального публикатора государственных документов. Она выходит с ноября 1990 г. тиражом 450 тыс. экз.

⁴ Ежедневная газета «Аргументы и факты» издается с 1978 г. тиражом 2 993 500.

⁵ Старейший русский еженедельный иллюстрированный журнал «Огонек» издается с 1923 года. Сегодня его тираж 50 тыс. экз.

⁶ Материал РосГ за 2.3.-30.6.1997 дополнительно собран из онлайн службы Ист Вью (www.eastview.com), всего 438 документов.

⁷ Следует отметить, что в количественном плане наиболее часто представлены *великий князь, Великая Отечественная Война, Великая Октябрьская революция.*

Литература

Blommaert, J.: 2005, *Discourse. Key Topics in Sociolinguistics*, Cambridge.

Fairclough, N.: 1992, *Discourse and Social Change*, Cambridge.

Fairclough, N.: 1997, *Miten media puhuu*, Tampere.

Halliday, M.A.K.: 1978, *Language as Social Semiotic. The Social Interpretation of Language and Meaning*, London.

Halliday, M.A.K.: 1985, *Introduction to Functional Grammar*, London.

Halliday, M.A.K. & Matthiessen, Ch.M.I.M.: 2004, *An Introduction to Functional Grammar*, London

Heikkinen, V.: 1999, *Ideologinen merkitys. Kriittisen tekstintutkimuksen teoriassa ja käytännössä*, Helsinki.

Heikkinen, V.: 2005, 'Arkea arkeissa', *Tekstien arki. Tutkimusmatkoja jokapäiväisiin merkityksiimme*, Helsinki, 11-30.

Heikkinen, V.: 2007, *Kielen voima*, Helsinki.

Hellberg-Hirn, E.: 1998, *Soil and Soul. The Symbolic World of Russianness*, Aldershot.

ISK: 2004, *Iso suomen kielioppi*, Auli Hakulinen et al., 2. painos, Helsinki.

Kalliokoski, J.: 1996, 'Kieli, tunteet ja ideologia uutistekstissä. Näkymiä tekstilajin historiaan ja nykyisyyteen', *Kieli 9: Teksti ja ideologia. Kieli ja valta julkisessa kielenkäytössä*, Helsinki, 37-97.

Wodak, R.: 1996, *Disorders of Discourse*, London.

Арутюнова, Н.Д.: 1988, *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*, Москва.

Брагина, Н.Г.: 2007, *Память в языке и культуре*, Москва.

БТСРЯ: 1998, *Большой толковый словарь русского языка*, сост. С.А. Кузнецов, Москва.

- Валгина, Н.С.: 2003, *Активные процессы в современном русском языке*, Москва.
- Вольф, Е.М.: 2002, *Функциональная семантика оценки*, Изд. 2-е, доп., Москва.
- Зализняк, А.А.: 2006, *Многозначность в языке и способы ее представления*, Москва.
- Коньков, В.И., Потсар, А.Н., Сметанина, С.И.: 2004, 'Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития', *Современная русская речь: состояние и функционирование*, Санкт-Петербург, 67-81.
- Лотман, Ю.М.: 2002, *История и типология русской культуры*, Санкт-Петербург.
- Лысакова, И.П.: 2005, *Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование*, Санкт-Петербург.
- Покровская, Е.В.: 2006, 'Прагматика современного газетного текста', *Русская речь*, 3, 81-87.
- Русская грамматика: 1980, Том 1, Москва.
- Русский язык: 1998, *Русский язык: энциклопедия*, гл. ред. Ю.Н. Караулов, изд. 2-е, перераб. и доп., Москва.
- Сметанина, И.С.: 2002, 'Медиа-текст в аспекте культуры речи: интерстилевое тонирование изложения', *Вестник СПбГУ*, Сер. 2, Вып. 3, 18, 90-98.
- Солганик, Г.Я.: 2007, 'О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ)', *Язык современной публицистики*, Москва, 13-30.
- ССРЛЯ: 1991, *Словарь современного русского литературного языка в 20 томах*, Т. 2, изд. 2-е, перераб. и доп., Москва.
- ТСРЯ: 2003, *Толковый словарь русского языка*, под ред. Д.В. Дмитриева, Москва.
- ТССРЯ: 2001, *Толковый словарь современного русского литературного языка. Языковые изменения конца XX столетия*, под ред. Г.Н. Складчиковой, Москва.
- ТФГ: 1996, *Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность*, Санкт-Петербург.